

Что сделал Килэ для науки

I

Ровно год тому назад я рассказала, что пришлось мне слышать и прочесть о «чудодейственной» силе¹, открытой филадельфийцем по имени Джон Эрнест Уоррель Килэ², – силе и разрушающей, и созидающей, притягательной и отразительной, увеличивающей аппараты для зрения и восстанавливающей... Впрочем, в последнем ее свойстве правильнее употребить будущее время: *имеющей восстанавливать* человеческое здравие – от простых ревматизмов до возвращения умственных способностей душевнобольным, считающимся безнадежными.

Несколько месяцев тому назад мне вновь пришлось встретиться в Лондоне³ с одним из лиц, указавших мне на существование и деятельность Килэ, знающих его лично.

– Ну, что же? Ничего что-то не слышно о вашем приятеле-чудотворце там, в Америке. Удалось ли ему с 1888 года, когда вы присутствовали при его опытах, хотя сколько-нибудь овладеть своей непокорной силой?.. Не приходилось мне читать, чтобы его двигатель «упразднил пары», как он хвастался, или за пояс заткнул электрический телеграф...

– Позвольте, позвольте! – остановил меня сторонник силы «сочувственных вибраций междупланетного эфира». – Задам и я вам вопрос: слышали вы, чтобы такого рода открытия осиливались и прилагались к практике с сегодня на завтра одним и тем же человеком?.. Известно ли вам, во сколько времени гораздо простейшая, вполне односторонняя сила паров была применена к житейской пользе?.. Уатт⁴ начал опыты над двигательной силой пара в 1764 году, *тридцать лет* промаялся, пока удалось ему подчинить ее действия контролю; пятьдесят лет спустя, в 1814 г., был выстроен первый локомотив, но лишь в 1825 году начали применять его к перевозке грузов, да и то со скоростью 6–8 миль в час...

– Да, ведь, и Килэ начал свои опыты четверть века тому назад! – прервала я. – И ровно ничего до сих пор не добился...

– В 1872 году! – перебил меня мой собеседник. – В зиму с 1872 по 1873 год! И, вероятно, не пройдет еще сорока трех лет без практического применения его открытий.

– Бог знает! – вмешались в разговор присутствовавшие, между которыми было двое природных американцев. – Многие склонны думать, что в неудачах Килэ есть что-то фатальное; что ему никогда не удастся ничего сделать ни для промышленности, ни для науки...

– Многие считают его увлекающимся энтузиастом, если не шарлатаном-фокусником.

– Позвольте! После множества отзывов об его опытах людей, стоящих во главе науки, *этого* думать никак нельзя!..

– Польза практическая – вернее, торговая – впереди и несомненная! Что же касается науки, то Килэ и теперь уже оказал ей громадные услуги!

Статья публикуется по: *Новости и биржевая газета, 1890, №320, 20 ноября; 323, 23 ноября*, подписана «В.Желиховская». Написана по материалам брошюры К.Блумфильд-Мур «Keely's Contribution to Science» («Вклад Кили в науку», 1890).

Подготовка текст и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ См.: *Желиховская В.П.* Чудодейственная сила // *Новости и биржевая газета, 1889, №301, 1 ноября; №307, 7 ноября.*

² Кили Джон Уоррел (Keely John Worrell, 1827–1898) – американский изобретатель, открыл возможность практического получения энергии эфира, построил около двух тысяч опытных аппаратов и механизмов, работающих на ней.

³ Летом 1890 г. В.П.Желиховская была в гостях у Е.П.Блаватской в Лондоне.

⁴ Уатт Джеймс (1736–1819) – английский изобретатель, создатель универсальной паровой машины.

– Какие?.. Какие услуги?.. Вы его смешиваете, верно, с Эдиссоном⁵!.. Вот истинно полезный труженик, а не бесплодный утопист, мечтатель, сам себя и других обманывающий.

– Эдиссон?!. Помилуйте! Да Эдиссон в чернорабочие Килэ не годится! Эдиссон мастеровой, а Килэ – гений, творец!

– Разумеется, не годится, потому что не над чем у Килэ работать!.. А сидеть сложа руки и воспевать гимны «творческой силе звуковых волн», как ваш гений, Эдиссон не станет!

Я притихла, молча прислушиваясь к возраставшему спору и делая свои заключения. Из него, а еще больше из нескольких статей и газетных отзывов, которые на другой день мне прислал сторонник филаделфийского ученого, я почерпнула дальнейшие сведения о многообещающей, но пока еще бесплодной – в смысле выгод житейских – деятельности Джона Э.У.Килэ.

Прежде всего, надо признать его самого человеком крайне неудобным, – человеком, действительно, увлекающимся до забвения всякой опасности и всякого благоразумия, первым врагом своим и своих преуспеваний. В пылу изысканий Килэ совершенно забывает об опасности и, вследствие того, несколько раз едва не умер и весь изранен. У него переломаны все суставы пальцев, изломаны ребра, и вся левая сторона тела слегка парализована; он полуслеп на один глаз и весь обожжен и контужен, что, разумеется, крайне затрудняет ныне его работы. Кроме того, много раз несдержанность, нетерпение, гнев или чувство обиды в одну секунду заставляли его уничтожать результаты долгих трудов. Так, в 1888 году, когда компания аферистов, снабдившая его деньгами для работ в чайнии, что изыскания его принесут ей немедленно громадные барыши, разочарованная в своих корыстолюбивых расчетах, потеряла терпение и потребовала, чтобы его посадили в тюрьму, Килэ, вне себя, перебил и уничтожил множество аппаратов, над которыми работал всю жизнь. Он разбил свой микроскоп с маятником – увеличительным прибором, подобному которому, по силе и чуткости восприимчивости, ему уж не удалось сделать. Этими безумными порывами он не только усложнял и замедлял ход своих занятий, но и вредил своей репутации, позволяя своим врагам предполагать, что он уничтожает следы своих обманов, приспособлений к фокусам, которыми морочил легковерных.

С другой стороны, его горячность к делу, собственная вера в его неременный успех, желание скорее поделиться своими открытиями со всеми часто вовлекали его в просак: соберется громадная публика, а он в самую последнюю минуту должен объявить, что опыты состояться не могут по случаю «чего-то непонятного», какого-то неожиданного ущерба в механизме того или другого из его аппаратов... И вот, публика расходится недовольная, недоверчивая, насмешливая... Никто во внимание не примет, что у *фокусников* таких-то именно невзгод и не может случиться, именно потому, что они хладнокровны, предусмотрительны и наобум увлекаться не будут преждевременной поспешностью.

Бедному изыскателю, растревожившему силы, с которыми справиться не умеет, и не так еще приходилось платить за свою искренность и увлечения. Как уже сказано выше, он весь искалечен – это ему прощают! Но в чем нет ему прощения, это его невнимание к безопасности других. Не один сторонник и почитатель Килэ обратился во врага его после того, как сам он или его близкие потерпели от взрывов газов или *непредвиденных движений* его двигателей при демонстрациях, с которыми сам демонстратор еще не вполне ознакомился. А уж сколько потерь и убытков приходилось нести ему в разбитых машинах, силы которых он пробовал, не урегулировав их, – и не сочтешь!.. Правда, что в этих несчастных случаях не столько виноват Килэ, сколько поспешность акционеров его торговой К^о, вынуждавшей его доказать им превосходство открытой им силы по сравнению с доселе известными взрывчатыми или двигательными средствами. Ее громадные преимущества были несомненно доказаны; но не вполне подчиненная знанию и воле открывшего свойства ее, раз пущенная в дело без регулятора, она почти всегда творила беды. Не далее как в ноябре 1889 года, двигатель, казалось бы вполне готовый к применению его к промышленным целям, на глазах у множества зрителей разбился вследствие того, что тормоз был

⁵ Эдиссон Томас Алва (Edison, 1847–1931) – американский изобретатель в области электротехники и предприниматель, основатель крупных электротехнических компаний.

дан секундой позже, чем следовало. Килэ не успел еще окончательно выверить действия и примениться к управлению своим изобретением!..

– А пора бы уж ему знать лучше!

На это невольное вырвавшееся у меня замечание сторонник изобретателя лишь улыбнулся укоризненно, покачав головой, и молча указал на одну из статей об открытиях и трудах Килэ. Я прочла:

«Когда Уат[т] начал свои опыты над растяжимостью силы паров, сумма давления пара у него равнялась *сорока фунтам*⁶ на кубический вершок⁷; когда же Килэ впервые приступил к испытаниям силы найденного и концентрированного им эфира, то она оказалась равной давлению *двух тысяч фунтов* на кубический вершок, ныне же достигла до *тридцати двух тысяч*»⁸.

– Видите, какова разница сил? – продолжал заступник Килэ. – Тридцать лет понадобилось, чтобы контролировать силу пара, а вы не даете и двадцати на подчинение изобретательному уму моего приятеля действия эфира, сильнейшего более чем в 30000 раз!

Упрек был основательный!.. Я принялась добросовестно за чтение доставленных мне статей.

II

Профессор Thurston пишет: «Мы вечно ждем конца открытиям наших изыскателей, границы и предела остроумию наших изобретателей; но постепенно оказывается, что мы далеко не достигли грани, что надо идти вперед, в бесконечное неизвестное. Чем далее мы в него проникаем, тем шире и разнообразнее пред нами цели и пути...»⁹

В сочинениях по химии профессора Ира Ремзена¹⁰ есть следующее замечание:

«Сказать поистине, мы не имеем ни малейшего представления о причине движения небесных тел... Положим, мы смело утверждаем, что закон тяготения и взаимного притяжения производит этот феномен, но ведь это лишь – слова! Слова, которыми мы прикрываем собственное невежество, ибо мы совершенно не знаем, что именно сдерживает и привлекает друг к другу эти тела...»

В «Revue Scientifique» за октябрь 1889 г. находим статью профессора Анри Герца¹¹, где, рассуждая о шаткости научных данных и, вообще, о далеко неудовлетворительном состоянии современной науки, он, между прочим, говорит, что «одна из самых трудных проблем для науки – это вопрос о силах, действующих на больших расстояниях». Причины и законы, измышленные людьми, так шатки!.. «Из всех тех, которые нам казались неопровержимы доньше, еще держится один – закон притяжения... Не уйдет ли также и он?.. По самым данным его действий мы склонны так думать...» Электрические и магнетические силы природы, их проявления в пространстве наводят Герца на такие заключения: «Важнее всех вопросов (до которых добрались наши знания) – вопрос о составе и свойствах вещества, наполняющего пространство, – об эфире. Каково строение его? Его движения, задачи, пределы, – если таковые существуют?.. Изо дня в день эта новая задача, этот головоломный предмет изысканий возрастает, заслоняя собой все другие...»

Сдается, будто бы ближайшее знакомство с этим непроницаемым веществом открыло бы нам суть всего, всякой материи в природе, с подлежащими ей свойствами, весом ее взаимного тяготения и инерции. Вскоре физика задастся вопросом: «Не *все* ли во Вселенной зависит от состояния эфира?» Ответ на вопрос этот, если бы только мы могли разрешить его, представляется мне конечным пунктом знания, до коего человечество может надеяться дойти! Но дойдет ли?.. И когда?.. На это еще нет ответа!»

⁶ Фунт – единица измерения массы, равная 0,454 кг.

⁷ Вершок – старорусская единица измерения длины, равная 4,445 см.

⁸ «Lippincott's Monthly Magazine». July, 1890, p. 111–112. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁹ «North American Review». January, 1890. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁰ Ремсен Айра (Remsen Ira, 1846–1927) – американский химик.

¹¹ Герц Генрих Рудольф (1857–1894) – немецкий физик.

Наконец, вот еще знаменательные слова Бокля¹² из его речи «*О влиянии женщин на успехи знания*»:

«Мы еще в раннем детстве познаний!.. То, что сделано нами (для науки) – одна былинка, по сравнению с тем, что остается сделать... Что, в самом деле, мы познали?.. Мы толкуем о законе притяжения, не имея ни малейшего понятия о том, *что такое* это самое притяжение. Мы рассуждаем о сохранении и распределении сил, – а знаем ли, что есть *сила*? Мы еще едва наместили поверхность, едва тронули кору земную, а под ней, и над ней, и вокруг нас простирается непочатое поле, границы коего глаз наш напрасно силится объять... Величайшие из наших так называемых законов природы – совсем не законы, а эмпирические, отвлеченные понятия. Мы слишком склонны говорить так, будто бы уж проникли в самое святилище истины и устранили покров этой богини, когда, в сущности, мы все еще, как трусы, дрожа, стоим у порога ее храма... Ни единое еще открытие, доньше сделанное, не оказывалось в соглашении с предвзятыми понятиями, с умственными законами; а пока нет этого соглашения, наши знания подвержены колебаниям и научные законы не имеют надежных оснований. *Все руководящие нашими знаниями доньше законы природы возникли, существуют и действуют исключительно лишь в человеческих понятиях*».

Вот что сказал Бокль, что говорят и пишут многие ученые, не считающие себя достигшими апогея возможных человеку знаний, и что стремится в продолжение многих лет плодотворных изысканий, неустанных трудов и бесплодных (для практических выгод) опытов, «не жалея живота своего», доказать увлекающийся бессребреник Килэ.

Всю жизнь свою филадельфийский ученый посвятил изысканиям в том самом всенаполняющем и всеоживляющем веществе, от коего, по предложению проф[ессора] Герца, «зависит *все* во Вселенной». Килэ не предполагает, а утверждает это. Он убежден, что сила, им открытая и отчасти (в весьма малой части, – сознаться надо!) им покоренная, по крайней мере, несколько приспособленная к проявлениям своих могущественных свойств на мелочном деле, доступном контролю человечества, есть именно та мировая мощь, которою держатся и правятся системы миров, все видимое и невидимое, все нами отчасти постигнутое и все совершенно нам неведомое. Эта сила, этот мировой эфир, основа всего одушевленного и неодушевленного, точка отправления всяческого движения в природе, равно правит ходом планет и царствами животным, минеральным, растительным посредством сотрясения своих тройственных начал, подлежащих непреложным законам движения. Силу эту, или, вернее, власть, мощь, Килэ называет *сочувственно-отрицательным притяжением* (sympathetic negative attraction).

Он определил и описал целую систему условий колебаний – или сотрясений, или вибраций, – правящих скоплением всех молекулярных масс и их сочувственных отношений между собою, – указывая на условия, долженствующие возбуждать их антагонизм, взаимное отражение, разложение и пр.; но он еще не успел подчинить все эти действия настолько, чтобы обезопасить приложения к делу своего дезинтегратора.

Килэ доказал демонстрациями, что подразделения материи (эфира тожь) посредством постепенно усиливающихся различных степеней вибраций порождают совершенно отдельные, неизвестные науке начала (elements), слишком многообразные, чтобы их перечислять. Он привел в систему надлежащие струны для колебания (vibrations) эфира; прогрессивно, начиная от вибрации, действующей на элементарную молекулу, до влияющей непосредственно на междуатомный эфир, объяв «*семь степеней тройственного подразделения*». Система приведения металлических масс в состояние «сочувственно-отрицательного притяжения» – возможность мгновенного приведения их в движение или деполяризования их переменой нейтральных центров – также почти им выработана.

Килэ управляет перемещением сочувственных токов посредством более или менее сгущенного эфира, посредством проволок из дифференцированных металлов: золота, серебра, платины, немецкого серебра и проч.

¹² Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк и социолог-позитивист.

Все сочувственные токи (*sympathetic streams*) в природе, где бы ни действовали, – в мозговой ли системе человеческой или в системе миров, состоят, по мнению Килэ, из трех отдельных начал. Он доказывает, что электричество не есть проявление силы, а материя, по существу своему, нисколько не менее осязаемая, нежели осязаема, например, вода; что человечество им далеко не овладело и не постигло его сути. То, что мы называем электричеством и применяем к промышленным целям и пользе, есть лишь один ток тройственного течения, слитого в чистое электричество. Эти три тока первобытного, вездесущего эфира Килэ определяет названиями: *гармоничного, энгармонического и диафонического*, утверждая, что он открыл не только их существование, но и относительные свойства. «Энгармонический ток, – говорит он, – кажется мне, слит нераздельней с главным, преобладающим (?) током. Не могу определить их таинственного союза, так как главный ток не поддается испытанием. Его невозможно исследовать, так как попытки отделить его донныне уничтожали все мои механические аппараты и мне самому не раз грозили смертью, как если бы я на себя привлекал молнию...»

Страшный жар, порождаемый электрическим током, Килэ приписывает быстроте, с которой тройственные начала его ищут, отчуждаясь друг от друга, среду, им свойственную, [для] слиянья с однородными элементами. Внезапное воссоединение производит то же самое действие; но опыты ясно доказывают, что концентрация этой тройственной силы столь же свободна в слиянии, как дыхание, сливающееся с окружающей атмосферой, не производя в ней никакого колебания. Тройственный ток электричества струится сочувственно и мирно, хотя, скопляясь и сосредотачиваясь в одном пункте, разряжается шумно и грозно. Сила стремления лежит, предполагает исследователь, на энгармоническом токе; стремительность его порождает беспорядок в отрицательном равновесии, но это нарушение равномерности общего течения необходимо для разрядки электричества. Когда грозовые тучи разряжаются дождем, расторгая *тройственный союз* элементов, каждая составная сила электричества стремится к свойственным ей земным частицам и, поглощенная, дотоле в них пребывает, пока высший закон, управляющий своевременным нарушением равновесий в природе, снова не возбудит стремлений сочувственных атомов, вечно движущихся под светом солнца, пока не потухнут его оплодотворяющие силы.

III

Не менее уверенно объясняет Килэ и закон притяжения.

По его мнению, это вечная первобытная сила, присущая всему созданному от начала создания по воле Безначального, Бесконечного, Непостижимого Творца – Ему же подлежат все силы, и все мощи, и все воли... «Это и есть – притяжение!» – восторженно и вполне серьезно восклицает в одном из писем своих филладельфийский ученый, изыскатель и мечтатель по преимуществу, по-видимому, уверенный, что все объяснил...

И тут же впадает в рассуждения о реальности «*музыки сфер*», утверждая, что глаголы Творца всегда и поныне правят, посредством гармонии звуков, движениями миров; что, если бы человечество *тысячу биллионов* раз лучше слышало, до него так же явственно долетали бы звуки передвижения атомов в междупланетном эфире и торжественная мелодия хода планет в пространстве, как ныне до нашего несовершенного слуха долетают песни ветра в Эоловой арфе...

Все эти заявления, разумеется, более годились бы для поэтов, чем для практических изыскателей сил природы. Килэ, вообще, сдается мне, не обладает даром ясной, убедительной речи, но за него говорят положительней многие сторонники, проникнувшие в суть его изысканий и убеждений. Г-жа Блумфильд-Моор¹³, его ярая помощница и верующая поклонница, касательно определения им закона тяготения, так выражается:

«Килэ думает, что это от века присущее телам свойство дано каждой молекуле при самом зарождении и превращается в союзное звено между всеми бывшими, настоящими и будущими нейтральными центрами. Притяжение точно так же, как и стремление к нарушению равновесия, –

¹³ Блумфильд-Мур Клара (Bloomfield Moore, 1824–1899) – американская филантропка, писательница, помощница Д.У.Кили.

не явления, а от века существующие силы... Его изыскания в области колебательных подразделений материи открыли ему некоторые тайны сокрытого от нас, но сочувственного нам мира... Они подтвердили ему неопровержимо мнение Кольриджа¹⁴, сказавшего, что *“мир видимый есть лишь оболочка невидимого”*, а равно и ту великую истину, что *высшие* знания каждого, их достигшего, должны привести в мир духовный, где он найдет всемоу начала, объяснения и причины, вместе с убеждением, что в нем, в мире духа, а не в материальных его проявлениях и кроется *суть* всяческого бытия.

Кеплер¹⁵ предвидел и предсказал, что в нашем еще XIX веке Бог откроет человеку ту *“силу, что сдерживает миры в пространстве”*, – предсказание его исполнилось! Килэ указывает ее в сочувственной связи, существующей между полетом земного шара и лучезарностью небесного эфира. Он учит, что все планетные системы мира, имея соотношения к токам эфира в пространствах, влияют на наши физические организмы настолько же, насколько лучи небесные (celestial radiation – под этим термином подразумеваются, без сомнения, лучи так называемого *астрального* света) влияют на силу воли, исходящую от разума, – самая красноречивая иллюстрация вышесказанному, а именно: что свет и дух преобладают над мраком и материей!» – восклицает миссис Блумфильд-Моор¹⁶.

Килэ изобрел инструменты, посредством которых он пытается определить законы колебаний, производимых тройственным действием полярно-земного течения, облегчающего нашу планету. Он изыскивает доказательства соотношения этой «земной оболочки» с небесным светозарным током, иначе – с током небесного эфира, порождающего планетарные массы. Он считает электрический ток одним из трех сочувственных токов, которые в триедином (triune) своем шествии поддерживают высшую жизненную силу полярного течения или, вернее, «магнитно-электрической земной оболочки», не будь которой – все живущее должно бы умереть.

Сила, которой пользуется Килэ для своих двигательных машин, *«сочувственно-притягательная»*, по заявлениям его именно та самая, которая сдерживает планеты взаимовлечением их, иначе говоря – первобытный закон притяжения. Что же касается его системы воздухоплавания, если бы он дожил только до ее усовершенствования, то для движения аэростатов он пустил бы в ход противоположную силу – отрицательную, ту, которая регулирует движение планет в их удалении друг от друга. По его теории, «сочувственно-притягательная» сила сдерживает ход планет и направляет его; без ее действия круговращение их остановилось бы, а если бы ее вдруг не стало, – все планеты превратились бы в странствующие кометы, а при столкновениях сливались бы в одну массу... Природа установила во всем сочувственное согласование; она вложила его в нейтральные центры планет при самом зарождении их и посредством дивного сочувствия отдельных частей дала мирам возможность самоуправления.

Много раз Килэ задавали вопрос: не слишком ли неуловимы силы, с которыми он имеет дело, чтобы поддаться ярму и выполнять обыденную, черную работу на людей? На это он отвечает, что если бы и так, он никогда не оставил бы своих изысканий. Нет труда, нет лишений, нет страданий физических или нравственных, которых он не перенес бы; мало того, – на которые он сознательно, восторженно не шел бы, как воин-герой на смертную битву, ради высокого наслаждения познавать, устранять препятствия, покорять мало-помалу своей воле и терпению эти высшие, донныне не достигаемые человечеству силы природы, «открывающие ему небо и все дивные чудеса пространства!». Но он уверен в успехе. Только бы смерть не стала между ним и тайнами, которыми держится Вселенная, и он покорит их воле и разуму человеческим – этим «высшим силам, чудеснейшим дарам Творца – своим созданиям!.. Когда же скупая природа открывала смертным тайны свои бесцельно?.. Она разоблачает их неохотно и лишь тогда, когда наступает время человечеству сделать шаг вперед. Когда предвечный глагол, изрекший “доселе дойдеши, но не далее!”, – повелевает ей отступить и отдать в знание и власть человеческие еще

¹⁴ Кольридж Самюэль Тэйлор (1772–1834) – английский поэт-романтик, критик и философ.

¹⁵ Кеплер Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, открывший законы движения планет.

¹⁶ «Keely's contributions to science». By Clara J. Bloomfield-Moore. – *Примечание В.П.Желиховской.*

пядь своего таинственного, искони сокрытого царства, – она отступает, и от людей тогда зависит бодро идти навстречу ее уступкам или малодушно отступить, пугаясь первых препятствий».

Еще в 1885 году Килэ писал своим друзьям:

«Знаю, что меня упрекают в медленности, в недостатке энергии (?!), но я не медлителен, а лишь осмотрителен. Если бы знали, каких долгих и сложных изысканий требует наука колебаний и созвучий эфира! Как трудно овладеть ею в теории и как неподатливы подразделения вибраций математическим вычислениям для приложения их к делу... Кажется мне, что самой долгой жизни еле хватит на вступление к такому необъятно глубокому труду. Теория эллиптических функций, вычисление вероятностей – шутка и пустяк в сравнении с изучением науки, которую я стремлюсь открыть изысканиям человечества... Лишь бы дождалось оно терпеливо света, который придет, яркая заря которого слепит уж и ныне мои очи...»

Великие открытия могут внезапно озарять людей гениальных; но величайшему гению необходимо время, чтобы постепенными изысканиями и опытами познать законы и пути, которыми он может покорить открытие свое изучению и воле человека. Даже простой рабочий не может взлетать на здание, им же, камень по камню, воздвигнутое, а должен всходить на него по лестнице ступень за ступенью... Он взойдет на него, он одолеет крутую лестницу тем скорее, чем сотоварищи его будут терпеливее помогать ему; а бедному Килэ плохие помощники то и дело воздвигают преграды – из-под ног труженика то и дело вытаскивают перекладыны. Ему постоянно изменяло доверие не только нетерпеливых, жадных до прибыли членов-пайщиков его общества, «Keely's Motor Company», доводивших его до тюрьмы; не только недоверие профанов, оскорблявших его насмешками и подозрениями в обманах, но даже доверие и содействие ученых собратий, то преклонявшихся пред очевидной убедительностью его опытов, то вновь отрекавшихся от него, словно от самого Сатаны, подделываясь под настроение толпы или предаваясь недоброжелательству и зависти.

Ныне, в последние два-три года, впрочем, круг его почитателей между людьми науки сильно увеличился. Из отзывов многих ученых явствует, что они готовы оставить всякие предвзятые мнения, «отречься от рутины, как бы ни въелась она в основы лженауки, – ради торжества истины», понимая, что лучшее орудие изыскателя есть доверие к его трудам. Профессора Герц, Дюпюи, Рюкер и Локайер¹⁷ много способствовали лекциями и своими учеными трудами к установлению славы Килэ как гениального изыскателя и изобретателя. Все четверо, в сущности, его соумышленники в отвлеченном смысле по теориям и научным выводам, которые умеют доказать и даже популяризировать; тогда как Килэ, к несчастью, кажется, не умеет теоретически изложить своих действительно гениальных концепций. Как он ни распинался за силу и влияние на Вселенную открытых им «сочувственных вибраций» эфира, *столпы науки* не принимали их к сведению, пока не познакомились с изысканиями Герца в области строения эфира и с сочинением Нормана Локайера «Chemistry of the sun»¹⁸, в котором он блистательно подтверждает учение Килэ, говоря, что многовековая загадка, заданная миру солнцем и звездами, разрешена открытием закона сочувственных колебаний звука в междупланетных пространствах.

После таких совпадений научных понятий, после успешного предстательства за дело его вышеназванных профессоров и многих других ученых¹⁹, странно читать такого рода мнения, как приводимое г-жой Блумфильд-Моор в объяснение того, что Килэ все обещает напечатать свои

¹⁷ Локьер Джозеф Норман (Lockyer, 1836–1920) – английский астрофизик.

¹⁸ «Химия солнца» (англ.).

¹⁹ Герц, Аргайл, проф[ессор] Уилькоккс, Лиллэ, фон Гартман, Кедзай, Лэйде (получивший медаль Лайелля от Лонд[онского] геологическ[ого] общества, а от Французской академии наук премию Кювье) и многие другие. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Кэмпбелл Джордж Дуглас (8-й герцог Аргайл, 1823–1900) – государственный деятель Великобритании, публицист и историк.

Гартман Франц (1838–1912) – немецкий врач, писатель, теософ.

Лейд Джозеф (1821–1893) – американский анатом, президент Филадельфийской академии естественных наук.

Лайель Чарльз (1797–1875) – английский естествоиспытатель.

Кювье Жорж Леопольд (1769–1832) – французский естествоиспытатель и натуралист.

«Теории», «Анализы», «Объяснения», «Exposés»²⁰ и проч. сочинения, да все откладывает их печатание: «Если бы все эти трактаты были напечатаны и прочтены от первой до последней страницы, они были бы не более понятны и не лучше оценены, чем поняли и оценили современники Жильбера²¹ его сочинение “De Magneto” в царствование Елизаветы Английской²²».

Почему?! Ведь, учение Килэ многие уж и так понимают и воздают должное его изысканиям и теориям, даже без всяких к ним объяснений или руководств... Тут одна разгадка: Килэ не умеет объяснить своего дела, плохо владеет языком, не может справиться с мыслями!.. Судя по его упорному молчанию, судя также по бесконечным заглавиям (по сорока пяти слов, лишь изредка разделенных запятыми, в каждом!) трех его сочинений, приводимых в статье «Keely’s contributions to science», – это достоверно!

Это очень жаль, потому что многие знания его, вероятно, с ним и умрут невыясненные; но из-за недостатка в даре слова нельзя отрицать, что он гениальный изыскатель, ученый, изобретатель и удивительно искусный исполнитель своих машин, аппаратов и приборов. Тонкость и чуткость его металлических приспособлений изумляет первых механиков в Америке.

Прочитав все статьи о Килэ, за последние два года появлявшиеся в лондонских и американских журналах, доставленные мне его приятелем, я спросила его мнения о странном молчании его самого и о сравнительном бездействии его даже на любимой им арене опытов и активных демонстраций.

– Что вы хотите! – сказал он. – Для больших и быстрых успехов надо быть практичнее и последовательнее, а главное – корыстолюбивее Килэ. Каждая наука, понятно, начинается с азбуки, переходит на грамматику и таким образом идет, развиваясь, постепенно. У Килэ же не так! Он, как ребенок, увлекается, перескакивает, бросается с одной отрасли на другую – теряется, оглушенный и ослепленный величию света и звуков, в тайный мир которых все глубже вторгается, совершенно забывая, что за ним стоят современники и потомство, что он не о себе одном должен думать, а не забывать, что они ждут, что он обязался их вести за собою... Такие открытия и такие капитальные перевороты, какие они должны повлечь за собой, не дело *одной* жизни: они совершаются тружениками целых поколений. Но ум, вернее, гений этого человека такой всеобъемлющий, что он бы справился вдвое скорей со своей задачей, чем другой. Он и теперь свершил более, нежели все ученые его сотоварищи, вместе взятые, на необъятном поприще, найденном им для исследований науки. Но он успел бы вдесятеро больше, если бы был богат... если бы акционеры его проклятой компании не теребили его, не мучили, не заставляли отвлекаться для бесплодных доказательств, что он их не обманывает, что у него нет *тайн*, которые он злостно скрывает ради корыстных целей. *Тайны Килэ* – ведь открытия и знания его так и известны под этим названием!.. Лучше бы назвали их тайнами природы, которые Килэ стремится у нее отнять ради пользы и блага человечества, преодолевая такие трудности и рискуя такими опасностями, на которые никто так бескорыстно не пошел бы. Единственная цель его жизни – не выгода и слава, как у других изыскателей, а достижение крайнего предела познания истинных свойств и сил природы, чтобы их обратить на пользу своих ближних... А что Килэ плохой адвокат своего дела и своих целей, в этом вы правы. Соображение его доходит до ясновидения, искусство – до творчества; но на логическое, последовательное, а уж тем менее на красноречивое изложение своих мыслей и знаний он не способен. Будь он покрасноречивей, а главное, – будь в нем хоть на йоту самоуверенного шарлатанства, он был бы миллионером, а не пролетарием, а имя его гремело бы в целом свете... Ему, без сомнения, воздадут должное, – как и всем мудрецам и пророкам, – когда, «освободившись от молекул грубой плоти», сопутствующих человеку в земном прохождении его, он достигнет «центра совершенства – центра воли и разума»,

²⁰ «Отчеты» (*фр.*).

²¹ Гильберт Вильям (Gilbert, 1540–1603) – врач Елизаветы I, занимался исследованиями над свойствами магнитов и земным магнетизмом, автор сочинения «De magneto magneticisque corporibus et de magno magnete tellure» («О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле», 1600).

²² Елизавета I (1533–1603) – королева Англии и королева Ирландии (с 1558 г.).

где дух его сольется «в полную гармонию со светозарными лучами небесного эфира», – им же открытого людям!

Этими цитатами фраз, принадлежащих перу самого филадельфийского мудреца, сторонник его закончил ему панегирик.